

ЮБИЛЕИ

Г.Ш. Каймаразов

**П.К. УСЛАР ОБ ОБРАЗОВАНИИ
И ВОСПИТАНИИ ДАГЕСТАНСКИХ ГОРЦЕВ**
(К 190-летию со дня рождения кавказоведа)

Петр Карлович Услар, выдающийся исследователь кавказских языков, родился в 1816 г. в деревне Курово Тверской губернии (ныне Тверская область). По образованию военный инженер. В 1837 г. начал службу на Кавказе в дислоцированной здесь царской армии. В 1840 г. поступил в Императорскую военную академию, по окончании которой служил в Сибири. Через некоторое время П.К. Услару поручают составить военно-статистическое описание Тверской и Вологодской губерний.

В 1850 г. П.К. Услар возвращается на Кавказ, и вся его дальнейшая служба и деятельность до последних дней жизни были связаны с Кавказским краем. Начал он свою творческую работу на Кавказе с составления «Военно-статистического

обозрения Эриванской губернии».

Российское военное командование на Кавказе придавало большое значение изучению присоединенного к империи важного в военно-стратегическом, экономическом и политическом отношении края. Наместник Кавказа М.С. Воронцов обращается к правительству с ходатайством учредить здесь Отдел Императорского русского географического общества. В 1851 г. ходатайство наместника было удовлетворено. П.К. Услар становится одним из 16 первых действительных членов географического общества.

Плодотворная творческая деятельность П.К. Услара, обладавшего разносторонними знаниями, не могла остаться незамеченной. В 1858 г. по просьбе главнокомандующего Кавказской армией и последовавшему «высочайшему повелению» П.К. Услару поручают составить историю Кавказа (*Загурский Л.П.*, 1881. С. XVIII). Не располагая достоверными источниками для выполнения столь сложной и многотрудной работы, П.К. Услар решил взяться за изучение языков, видя в языке надежный источник истории народа, носителя языка.

В 60–70-е гг. XIX в. П.К. Усларом были написаны пять монографий по дагестанским языкам: «Аварский язык», «Лакский язык», «Хюркилинский язык», «Кюринский язык», «Табасаранский язык». Кроме того, он являлся автором монографий об абхазском и чеченском языках.

В задачу настоящей статьи не входит характеристика лингвистических трудов выдающегося кавказоведа, и упомянули мы их потому, что П.К. Услар параллельно с изучением языков Кавказа уделял пристальное внимание вопросам повышения их функциональной роли, созданию письменности на этих языках, проблеме их преподавания в школах и др.

Научный и практический интерес представляют педагогические взгляды П.К. Услара, его идеи и практическая деятельность в сфере образования и воспитания подрастающего поколения горцев.

Возлагая на П.К. Услара задачу написать историю Кавказа, царские власти преследовали, естественно, и определенные политические и идеологические цели. Одержав военную победу над дагестанскими горцами, более трети века сражавшимися за свою независимость, царизм не прекратил борьбы за завоевание Дагестана, она приняла лишь другие формы. Дагестанцев предстояло «завоевать» и идеологически, осуществив меры, направленные на радикальные изменения их духовной жизни. Однако на пути к этому существовало весьма серьезное препятствие – мусульманское духовенство, традиционная мусульманская религиозная школа, арабский язык. Подорвать влияние мусульманского духовенства, мусульманской религиозной школы и арабского языка на местное дагестанское население царским властям должен был помочь П.К. Услар.

П.К. Услар не только создает капитальные исследования по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому и табасаранскому языкам, он составляет и их азбуки, положив в основу русскую графику. Но чтобы распространить новую азбуку, нужно было заинтересовать ею горцев, показать ее преимущество перед арабским алфавитом, которым пользовались они не одно столетие и который получил в Дагестане широчайшее распространение. Местное население следовало также убедить, что школы, где детей обучают по алфавитам на родных, дагестанских языках, будут иметь преимущество перед религиозными школами, где обучение велось на арабском языке.

Взявшись за эту нелегкую задачу, П.К. Услар при поддержке областной военной администрации создает в 1865–1867 гг. в Хунзахе, Казикумухе и Гунибе новые школы, где обучением руководили специально подготовленные для этой цели горцы. Одновременно в ряде статей он резко обрушивается на мусульманское духовенство, примечетские школы и предлагает свой план

обучения подрастающего дагестанского поколения. В этих статьях – «О распространении грамотности между горцами», «Предположение об устройстве горских школ», «О составлении азбук кавказских языков» – изложены педагогические взгляды, основные идеи П.К. Услара по вопросам образования и воспитания.

В статье «О распространении грамотности между горцами» П.К. Услар подвергает резкой критике мусульманскую религиозную школу. «Длинный ряд детских и юношеских годов, – писал П.К. Услар, – проводят они в мусульманской школе – гнездилище мрачного изуверства, где по методу, придуманному с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать Коран, упражняются в начертании непонятных для них письмен. Немногие, особенно даровитые, пройдя в течение двух десятилетий длинный ряд таких школ, образующих ученую лестницу, соразмерную со знаменитостью преподавателей, приобретают положительное знание арабского языка и арабской литературы» (*Услар П.К.*, 1887а. С. 4).

Борьбу за вытеснение арабской письменности и религиозных школ следовало начинать, по мнению П.К. Услара, с создания письменности на родных языках горцев и организации начальных школ с преподаванием на этих языках. Эта новая письменность должна базироваться на русской графической основе. Обучение родной грамоте П.К. Услар рассматривал как «наилучшее подготовительное пособие к изучению русской грамоты». «Выучите, – писал он, – сначала ученика-горца грамоте на его родном языке и от нее перейдите к русской» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 24).

П.К. Услар видел преимущества обучения горцев грамоте по азбукам, составленным на русской графической основе, по сравнению с обучением по азбукам, в основу которых положен арабский алфавит, в том, что в первом случае горские дети «учатся сначала своей азбуке, чтобы перейти к чужой», а во втором – «учатся сначала чужой, чтобы перейти к своей» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 22).

Однако П.К. Услар понимал, что на пути осуществления его планов, конечная цель которых состояла в распространении в Дагестане русского языка, встретятся препятствия и прежде всего сопротивление со стороны его главного противника – арабского языка. Он указывал, что арабские завоеватели, покорив Дагестан оружием, озаботились «покорить его и арабским языком» и что арабская письменность прочно привита здесь тысячелетними непрерывными усилиями мусульманского духовенства.

П.К. Услар считал, что опыт кратковременного обучения горцев родной грамоте в 1865–1867 гг. по созданным им алфавитам вполне себя оправдал. Он лично присутствовал на экзамене, который проводился зимой 1866–1867 г. и остался доволен успехами учащихся. За шесть недель молодые горцы, не знавшие ни слова по-русски, научились вести несложную переписку.

Несмотря на то, что новые школы прекратили свое существование уже в первой половине 1868 г., по данным Е.И. Козубского, в 1870 г. в Дагестане было 169 человек, знавших новую грамоту (*Козубский Е.И.*, 1902. С. 226).

Один из исследователей творчества П.К. Услара Л.П. Загурский даже в 1881–1882 гг. встречал в Дагестане немало знатоков русско-дагестанской грамотности. Книги, отпечатанные в Темир-Хан-Шуре на алфавитах П.К. Услара, писал Л.П. Загурский, «усердно читались, наружный вид их ясно доказывал, что они прошли через множество рук» (Кавказ, 1888).

Большое значение П.К. Услар придавал переводам книг и брошюр с русского на дагестанские языки. Он писал, что переводы эти могут быть осуществлены с большим успехом и что «мнение о крайней бедности этих языков совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия.

Эти языки, напротив, невероятно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли. Правда, что горцы усвоили себе множество слов тюркских и арабских, как теперь усваивают русские, но это ничего не доказывает. Подобным образом и русский язык времен Петра Великого наполнился иностранными словами, что нисколько не свидетельствует о его бедности» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 28).

В 1865–1867 гг. на дагестанских азбуках, составленных П.К. Усларом, был издан ряд книг. В 1865 г. вышла в свет «Аварская азбука», а в 1867 г. – «Аварские сказки», а также переведенная на аварский язык статья из книги К.Д. Ушинского «Детский мир» под названием «О воздухе и воде, их свойствах и видоизменениях». В 1865 г. и позднее на лакском языке были изданы упомянутая статья из «Детского мира» К.Д. Ушинского в переводе одного из активных помощников П.К. Услара Абдуллы Омарова, «Казикумухская азбука» П.К. Услара и книга по арифметике, написанная А. Омаровым. Спустя несколько лет (в 1871 г.) в Темир-Хан-Шуринской типографии штаба войск Дагестанской области была напечатана «Кюринская азбука», составленная на основе усларовского алфавита одним из помощников П.К. Услара в исследовании лезгинского языка – Казанфаром Зульфугаровым.

Как уже отмечалось, П.К. Услар разработал конкретный план создания школ для горцев. По его мнению, эти школы должны быть общеобразовательные, элементарные, так как «всякому специальному образованию должно предшествовать общее». Элементарное воспитание, по Услару, должно заключаться, «во-первых, в обучении чтению и письму; во-вторых, в пробуждении умственных способностей учащегося, в приучении его к самостоятельной умственной деятельности: дело не в том, чтобы учащийся чему-либо научился на всю жизнь свою, а чтобы, так сказать, выучился он учиться» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 30–31). Эта цель, полагал Услар, «есть единственная разумная для элементарных училищ». Лучшим средством для достижения этой цели являются, по мнению Услара, «языкознание и математика» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 31).

Под языкознанием П.К. Услар подразумевал «изучение одного или нескольких иностранных языков». В элементарных горских школах изучение классических языков может быть заменено русским языком, «применяя к нему во всей строгости метод классического преподавания, который, как мы знаем, заключается в непрерывных упражнениях на заданные темы с постепенным переходом от легкого к более трудному» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 32).

«Русский язык, сближение с русской культурой, хотя бы только умственное, отмечал П.К. Услар, бесконечно важно для будущности Кавказа» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 34). Математика столь же важна в элементарном воспитании, как и языкознание. Она «еще ровнее, чем языкознание ведет от простого к более сложному, от легкого к более трудному... доставляет общее упражнение для самостоятельности умственных способностей» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 35).

П.К. Услар считал, что программа обучения в каждой школе, даже в элементарной, должна представлять собою нечто полное и законченное, «сообразно предположенной цели». Законченная же цель для горских училищ должна состоять: в практическом знании русского языка; в умении свободно читать и писать на родном языке и усвоении способности вникать в читаемое; ознакомлении с русской жизнью и «возбуждении теплого к ней сочувствия»; способности понимать, что «значит наука, какого бы рода она ни была и как за нее следует приниматься»; привитии «охоты к чтению», понимании необходимости «образовать себя» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 35–36).

П.К. Услар полагал, что проведение в жизнь предложенной им программы

образования кавказских горцев «действительно создаст новое поколение передовых людей на Кавказе, которые сделают здесь то, чего не в состоянии сделать ни штыки, ни деньги, ни почести» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 36).

Горские школы, по мнению П.К. Услара, должны быть «горскими по национальностям: не должно выпускать из виду этого главного их назначения». В них могут учиться и русские дети, однако в количестве, не превышающем 1/3 детей местных жителей, с тем, чтобы школы эти не утратили характера своего назначения. Срок обучения в горских школах должен быть установлен четырехгодичный, в них должны приниматься дети не моложе 12 и не старше 14 лет.

По Услару, горские школы учреждаются для каждой народности отдельно. Например, для аварцев в Хунзахе, для лакцев в Казикумухе, для даргинцев в Дешлагаре (или Кутишах, или Цудахаре), для лезгин и табасаранцев в Ахтах или Курахе и т.д.

Вначале в Дагестане должно быть открыто десять школ, полностью финансируемых государством, где будет обучаться 400 учащихся. На их содержание, вероятно, потребуется, – предполагал П.К. Услар, – 60 тыс. рублей (*Услар П.К.*, 1887б. С. 37). В национальные школы «принимаются исключительно дети – выходцы из соответствующей народности без различия состояния. Однако местное население наблюдает, чтобы выгодами школы могли пользоваться все селения уравнительно», чтобы «ученик, получавший воспитание, мог впоследствии, «по положению своему, иметь влияние на своих единоверцев». Русские дети могут «быть также всякого состояния, преимущественно же круглые сироты».

Количество учащихся в создаваемых горских школах должно устанавливаться в соответствии с численностью населения той или иной народности Дагестана. В различных школах оно может быть различным, однако круг даваемых школой знаний, их объем должны быть одинаковыми.

В подготовительном классе дети коренной национальности начинают учиться читать на своем родном языке, русские – по-русски. Уроки чистописания общие. К концу учебного года оба отделения – нерусское и русское объединяются, где «попеременно и совокупно упражняются в чтении на местном и русском языках». По словам П.К. Услара, такое «совокупное упражнение составит превосходную школу произношения» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 38). Свободное чтение на обоих языках является необходимым условием для перевода ученика подготовительного класса в следующий класс.

В статье «Предположение об устройстве горских школ» П.К. Услар излагает кратко примерную учебную программу этих школ, примерный учебный план и соображения относительно укомплектования их учителями. Он видел сложности, которые могут возникнуть при отборе педагогов из представителей местных народностей Дагестана. Однако не считал эту проблему неразрешимой. Сам П.К. Услар уже был знаком с рядом северокавказских горцев, которые не без успеха занимались изучением местных языков, составлением азбук, учебных пособий на этих языках. В упомянутой выше статье он приводил в качестве примера двух северокавказцев – кабардинца Шорабека Мурзина и аварца Магомед Хандиева. «Оба они, – пишет П.К. Услар, – не получив предварительно достаточного образования, без ведома даже людей, которые могли бы помочь им своими советами, – составили азбуки и довольно подробные грамматики, первый для языка кабардинского, второй – для аварского... Оба означенных лица уже умерли, но и между живыми можно указать на несколько людей весьма способных к такому занятиям» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 32–33).

Резюмируя изложенные выше идеи и мысли П.К. Услара об образовании и

воспитании горцев, его практическую деятельность в этой сфере, мы должны признать их несомненное объективно-историческое прогрессивное значение. П.К. Услар был приверженцем модернизации системы обучения в традиционной дагестанской школе, подчеркивал, что консерватизм, отсутствие в ней должной восприимчивости к современным веяниям в образовании тормозят развитие умственных способностей подрастающего поколения горцев.

Одной из прогрессивных составных частей педагогических взглядов П.К. Услара являлось признание необходимости начинать обучение с овладения грамотой на родном языке, считаться с возрастными особенностями и склонностями детей, использовать методы наглядного обучения. П.К. Услар составил алфавиты для ряда дагестанских языков, явился инициатором создания школ для обучения дагестанцев по новым алфавитам.

Распространение грамоты среди горцев по алфавитам П.К. Услара облегчало усвоение русской грамоты, открывало возможность приобщения горцев к передовой русской культуре, а посредством русского языка к более широкому знакомству с мировой культурой.

Хотя лингвистические изыскания, работы об образовании и воспитании горцев П.К. Услара, его практическая деятельность нацеливались на дальнейшее сближение народов Кавказа с русским народом, укрепление вовлеченности этих народов в сферу общеимперской политической, экономической и духовной жизни, царские власти отнеслись к ним с настороженностью. Царизм, его администрация на Кавказе усмотрели, что в своей научной деятельности, планах в сфере образования П.К. Услар переходит границы официальной государственной национальной политики.

В реферате, посвященном кавказским алфавитам и зачитанном на заседании Кавказского отдела Императорского русского географического общества (18 июня 1888 г.), Л.П. Загурский резко критиковал администрацию Кавказского учебного округа за бездействие в деле издания лингвистических трудов П.К. Услара и обучения горцев грамоте по его алфавитам. В ответ официальные представители Министерства просвещения обрушились на автора реферата. Они не стали даже скрывать своей антипатии к усларовским алфавитам и стремление открыто проводить линию на русификацию Кавказа. Это стремление нашло отражение, в частности, в ряде передовых статей газеты «Кавказ», опубликованных вскоре после выступления Л.П. Загурского (Кавказ. 1888. 2 и 9 августа).

По мнению авторов этих статей, тесное сближение горцев с русскими возможно лишь путем распространения среди них государственного (т.е. русского) языка. Создание же «письменности, грамотности и литературы» для исчезающих (?) «в силу неотразимых политических причин многочисленных мелких племен Кавказа имеет великое значение только для науки, а никак для практической государственной деятельности..., которая направляется к ... ассимиляции всех многоязычных подданных государства» (Кавказ. 1888. 2 августа).

Вскоре после завершения «военно-политического завоевания» Кавказа царское правительство сочло возможным отказаться даже от тех полулиберальных жестов по отношению к местному населению, которые оно крайне половинчато позволяло себе иногда в первые годы после завершения Кавказской войны. Ограничительный, дискриминационный характер проводимой царизмом национальной политики принимает значительно более неприкрытые формы и масштабы.

Отдавая должное выдающемуся вкладу П.К. Услара в кавказоведение, его педагогическим воззрениям и практической деятельности в сфере образования,

нельзя не заметить, что взгляды ученого и педагога на просвещение горцев не были до конца последовательными. П.К. Услар не рассматривал разработанные им новые алфавиты как средство широкомасштабного культурного прогресса горцев, в частности, создания своей письменной и национальной литературы. Он писал, что «туземная грамотность должна служить только к тому, чтобы отвлечь горцев от арабского языка и облегчить для них изучение русского» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 29). Что касается самостоятельной литературы, то ее горцы «по самому положению своему иметь не могут и никогда иметь не будут» (*Услар П.К.*, 1887б. С. 26–27).

Идеи П.К. Услара, его практическая деятельность по распространению грамотности среди горцев объективно способствовали дальнейшему сближению их с передовой русской культурой, усилению ее влияния на духовный прогресс дагестанцев. Своими лингвистическими трудами П.К. Услар убедительно доказал возможность плодотворного научного исследования дагестанских языков и создания на этих языках письменности, доступной широким массам. Благодаря трудам таких людей, как П.К. Услар, русская культура постепенно, но неуклонно проникала в Страну гор, оказывая благотворное влияние на духовную жизнь ее населения.

В огромной степени благодаря деятельности П.К. Услара в Дагестане уже в 50–60-е гг. XIX в. выдвигается ряд местных людей, внесших значительный вклад в просвещение своего народа. Это аварцы Магомед Хандиев и Айдемир Чиркеевский, лакец Абдулла Омаров, лезгин Казанфар Зульфугаров и др.

О лакце Абдулле Омарове П.К. Услар писал: «Руководителем моим (в исследовании лакского языка. – Авт.) был уроженец Кумуха (А. Омаров родился в с. Куркли Казикумухского округа. – Авт.) Абдулла Омар-оглы, молодой человек, весьма даровитый и трудолюбивый, с которым я мог свободно объясняться по-русски. Теперь он без малейшего затруднения пишет на природном языке своем и усвоил грамматическое понимание его. На него вся надежда в отношении распространения грамотности между лаками» (*Омаров А.*, 1868. С. 13).

Сам Абдулла Омаров рассказывал, как учился русскому языку. Его давно интересовала русская грамота, и он очень хотел изучить ее. Один из учеников Темир-Хан-Шуриной горской школы, учившийся в ней уже четыре года, приехал к себе в Казанище на каникулы. Ученик этот часто приходил в мечеть, где Абдулла Омаров был муталимом, и брал у последнего уроки арабского языка. «Пользуясь этим случаем, – рассказывает Абдулла Омаров, – я в свою очередь стал учиться у него русской грамоте. Но так как у нас не было печатной азбуки, то я изучал письменные буквы и в скором времени мог уже разбирать четко написанные рукописи и даже начал сам писать по-русски» (*Омаров А.*, 1869. С. 44).

Через некоторое время бывший муталим поступает в Темир-Хан-Шуриную горскую школу, где и совершенствует свои знания в области русского языка. Абдулла Омаров настолько хорошо овладел русским языком, что стал переводить на лакский язык статьи из книг К.Д. Ушинского и других русских авторов, писать статьи на русском языке. Он сотрудничает с П.К. Усларом, участвует в разработке лакской азбуки, корректирует труд П.К. Услара о лакском языке.

Абдулла Омаров много сделал для распространения грамотности среди дагестанцев. Он составил и издал сборник произведений устного творчества лакцев, создал первую арифметику на лакском языке, обучал земляков новой грамоте. В Казикумухской школе, где преподавал А. Омаров, наряду с десятками горцев обучалась и одна горянка – случай исключительный для Дагестана того времени (*Козубский Е.И.*, 1902. С. 226).

П.К. Услар высоко ценил также своего помощника в исследовании

кюринского (лезгинского) языка Казанфара Зульфугарова. Он писал: «Житель сел. Мамрач Кюринского округа, письмоводитель словесного окружного суда, Казанфар Зульфугар-оглы, с 1867 г., когда только я нахожусь в Дагестане, командирруется в мое распоряжение. При исключительной помощи его я успел составить обширную грамматику, хрестоматию и словарь кюринского языка. Вполне ознакомившись с грамматическим и фонетическим строением горских языков, он служит мне деятельным помощником при исследовании табасаранского языка. Теперь он усердно трудится над постепенным пополнением составленного нами кюринского словаря. Сверх того, для упражнения кюринцев в чтении написал книгу, которая готова для печати» (*Козубский Е.И.*, 1902. С. 222). И действительно, в 1871 г. в Темир-Хан-Шуриной типографии была напечатана «Кюринская азбука» Казанфара Зульфугарова – первая печатная книга на лезгинском языке.

П.К. Услар оказал влияние и на другого подвижника просвещения в Дагестане, уроженца с. Тинди Гидатлинского общества Магомеда Хандиева.

Магомед Хандиев самостоятельно овладел русской грамотой, за короткий срок научился сносно читать и писать по-русски, изучил русскую грамматику. Затем он взялся за составление аварской азбуки, грамматики и хрестоматии. Своих учеников М. Хандиев учил аварскому языку по руководствам, составленным им же на русском языке.

П.К. Услар высоко отзывался о филологических трудах неутомимого горца, в частности, о хрестоматии, составленной М. Хандиевым. Он писал, что хрестоматия М. Хандиева весьма полезна для изучения гидатлинского наречия. В ней много переведено с русского, между прочим весьма удачно – сказка Пушкина «О золотой рыбке» (*Услар П.К.*, 1887а. С. 19).

В филологических исследованиях П.К. Услара принимал участие и Айдемир Чиркеевский. Влияние П.К. Услара отразилось и на статье А. Чиркеевского «О происхождении аварцев», опубликованной в № 64,65 газеты «Кавказ» за 1865 г. В ней А. Чиркеевский пытался доказать, что аварцы не коренные жители Дагестана, а бывшие кочевники, пришедшие с севера. И, конечно, ошибался.

Ценен вклад Айдемира Чиркеевского в собирание и популяризацию устного творчества аварцев. Часть собранных им аварских сказок и басен в переводе самого Чиркеевского на русский язык была издана в 1869 г. в Тифлисе, а на родном языке они вышли еще раньше в Темир-Хан-Шуре в 1867 г.

Первыми пропагандистами новых алфавитов, разработанных на русской графической основе, и русско-графической учебной литературы явились в основном люди, занимавшие те или иные должности в местном административном аппарате. В этом, разумеется, нет ничего удивительного. Энтузиастам, подобным крупному ученому-кавказоведу П.К. Услару, легче было общаться именно с такими людьми.

Научная и педагогическая деятельность П.К. Услара оказала влияние не только на современное ему поколение дагестанцев. На трудах П.К. Услара учились передовые представители горской интеллигенции в последующие десятилетия XIX и в начале XX в. Они сохранили свою научную и практическую актуальность и в наше время.

После смерти П.К. Услара (в 1875 г.) прогрессивные представители интеллигенции Страны гор стремились продолжить его начинания в области образования, предпринимали попытки возродить его просветительские идеи, создать национальные алфавиты, взяв за основу разработанные им принципы. Отношение многих таких дагестанцев к творческому наследию Петра Карловича Услара выразил известный дагестанский просветитель и революционер Саид Габиев в докладе по случаю 35-летия со дня смерти выдающегося кавказоведа. На

дагестанцах, – говорил С. Габиев, – лежит «священная обязанность непременно воплотить святую мечту этого безмерно любившего их человека в живую действительность. Они должны создать школу, где каждый мальчик и девочка могли бы слышать прелести своего материнского языка» (*Габиев С.*, 1910).

Сам С. Габиев позднее, в 1912 г., предпринял попытку возродить дагестанские алфавиты на русской графической основе. Однако подобные попытки, как и во время П.К. Услара, не находили поддержки властей, и светская школа на родном языке стала реальностью только после победы в Дагестане советской власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

Габиев Саид, 1910. Дагестанские областные ведомости. 12 сентября.

Загурский Л.П., 1881. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. Сборник сведений о кавказских горцах. (ССКГ). Вып. X. Тифлис.

«Кавказ». 1888. 2 августа.

Козубский Е.И., 1902. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие // ДС. Вып. I. Темир-Хан-Шура.

Омаров А., 1868. Воспоминания муталима / Предисловие редакции // ССКГ. Вып. I. Тифлис.

Омаров А., 1869. Воспоминание муталима // ССКГ. Вып. 2. Тифлис.

Услар П.К., 1887а. О распространении грамотности между горцами // Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис.

Услар П.К., 1887б. Предположение об устройстве горских школ // Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис.